

БИБЛИОТЕКА
Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР

А. НИЛЛ

**ВОСПИТАНИЕ
СВОБОДОЙ**

ШКОЛА САММЕРХИЛЛ

Когда ребенок свободен,
он становится уверенным в себе.
И тогда ему все по плечу.

А. Нилл

Библиотека Ю. Б. Гиппенрейтер

Александр Нилл

**Воспитание свободой.
Школа Саммерхилл**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Нилл А. С.

Воспитание свободой. Школа Саммерхилл / А. С. Нилл —
«Издательство АСТ», 2019 — (Библиотека Ю. Б. Гиппенрейтер)

ISBN 978-5-17-118272-4

Александр Нилл начал свой эксперимент по воспитанию счастливых детей почти сто лет назад, создав ставшую легендарной школу, в которой главным было не обучение, а развитие личности ребенка. В этой книге Нилл приводит бесценные суждения, послужившие основой целой философии «воспитания свободой». Нилл открывает нам глаза. Он точно знает, что дети – существа изначально добрые. И верит, что, если позволить ребенку быть собой, тот постепенно изживет свои проблемы и станет личностью – не просто свободной, но и счастливой.

УДК 159.922.7

ББК 88.8

ISBN 978-5-17-118272-4

© Нилл А. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Предисловие автора	7
Вступительное слово	10
Часть первая	11
Идея Саммерхилла	11
Взгляд на Саммерхилл	17
Образование в Саммерхилле по сравнению со стандартным образованием	23
Судьбы выпускников Саммерхилла	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Нилл

Воспитание свободой. Школа Саммерхилл

A.S. NEILL
SUMMERHILL

На обложке использовано изображение по лицензии Shutterstock.com

© Ю.И. Турчанинова, Э.Н. Гусинский, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Эта книга написана замечательным человеком, выдающимся педагогом и психологом Александром Ниллом. Почти сто лет назад он создал в Англии легендарную школу-интернат под названием «Саммерхилл», которой руководил в течение сорока лет до конца своих дней. Эта школа существует и по сей день.

В школу Александра Нилла родители, как правило, посылали «трудных» детей, с воспитанием которых уже не справлялась ни они сами, ни обычная школа. И Нилл возвращал этим детям полноценную активную жизнь и интерес к учебе!

В книге читатель познакомится со многими «открытиями» и революционными идеями Нилла. Он был против распространенного мнения, что ребенка надо заставлять учиться, иначе он ничего не будет делать. В школе Нилла новичок узнавал, что посещать уроки не обязательно, и некоторое время наслаждался свободой. Однако, через некоторое время проходила его ненависть к школе, и он сам начинал с удовольствием ходить на уроки. Одновременно происходили другие изменения личности ребенка: он становился приветливым, открытым, вежливым, честным!

Как все это делал Нилл?

Читатель найдет в книге много разнообразных ответов: от размышлений и вывода автора, в чем состоит реальное счастье ребенка, до практических способов, как установить глубокий контакт с ним.

Мое глубокое убеждение: эта книга – бесценный подарок Александра Нилла всем родителям и воспитателям. Если ваш ребенок школьник, вы найдете отклик на многие ваши заботы и затруднения в совместной жизни с ним. Если он еще дошкольник, вы лучше поймете, как подготовить его к бесконфликтной встрече со школой и долгому пути взросления.

Ю. Б. Гиппенрейтер

Предисловие автора

Твои дети – это на самом деле вовсе не твои дети. Они сыновья и дочери жизни, стремящейся длиться. Они приходят в мир от тебя, но не благодаря тебе. И хотя они пока что с тобой, они не принадлежат тебе. Ты можешь дать им свою любовь, но не свои мысли, потому что у них есть собственные мысли. Ты можешь приютить их тела, но тебе не удержать их души, потому что их души обитают в доме завтрашнего дня, куда ты не можешь последовать за ними даже в мечтах. Ты можешь стремиться быть похожим на них, но не пытайся добиться, чтобы они были похожи на тебя, потому что жизнь не идет назад и жить во «вчера» невозможно.

Ты лук, из которого твои дети, как живые стрелы, посланы вперед, в будущее.

Так изогнись в руке Лучника для радости...

Калиль Джибран

Эта книга составлена из отрывков, отобранных из четырех моих более ранних книг американским издателем Гарольдом Хартом. Одной из них была книга «Эта кошмарная школа», написанная еще в 1936 г., так что в разделе «Саммерхилл» есть и такие отрывки, которые я сегодня не написал бы, но их немного, потому что в моей философии образования и жизни не произошло никаких существенных изменений. Саммерхилл сегодня в своих главных чертах – тот же, что был при его основании в 1921 г. Самоуправление для учеников и персонала, свобода ходить на уроки или не ходить, свобода играть целыми днями, неделями или даже годами, если необходимо, свобода от навязывания какой-либо идеологии – религиозной, моральной или политической, – свобода от целенаправленного формирования характера.

А вот в отношении к психологии я изменился. Когда моя школа находилась в Германии, а затем в Австрии (с 1921 по 1924 г.), я был в гуще нового тогда психоаналитического движения. Как и множеству других молодых глупцов, мне казалось, что Утопия достижима. Сделайте бессознательное осознанным, и мир избавится от злобы, преступлений и войн – психоанализ был ответом на все вопросы. Когда я вернулся в Англию и поселился в доме, называвшемся Саммерхилл, в Лайм-Риджес, у меня было всего пять учеников. Через три года их число выросло до двадцати семи. Большинство из них были трудные дети, которых отправили ко мне совсем отчаявшиеся родители и учителя, – воры, разрушители, задиры обоих полов. Я полагал, что «лечу» их психоанализом, но обнаружил, что те, кто отказывался посещать мои аналитические сеансы, тоже излечивались, и был вынужден заключить, что излечивала на самом деле свобода, а не анализ. И слава богу, потому что психоанализу не одолеть нездоровье всего человечества.

Мне уже поднадоело говорить о прошлом, но о будущем я говорю с осторожностью. Я вижу некоторые признаки прогресса. Есть несколько превосходных начальных школ. Недавно я побывал в одной такой школе в Лейсетере. Она разительно отличается от начальных школ сорокалетней давности: счастливые лица, нормальный детский галдеж, каждый ребенок занят своим делом. Следующим шагом должно быть распространение таких свободных методов в средней школе – задача, практически не осуществимая при сохранении экзаменационной системы.

Огромная беда состоит в том, что обучение в школе очень мало связано с жизнью за ее пределами. Сколько бывших учеников читают Мильтона, Т. Харди или Шоу? Сколько слушают Бетховена или Баха? Школа игнорирует воспитание чувств ребенка, по крайней мере так построены школьные предметы, поэтому эмоциональная жизнь ребенка протекает под влиянием других факторов: телевидения, популярных групп, бинго, футбола, комиксов, эротиче-

ских журналов. А поскольку все эти факторы – элементы хорошо налаженной индустрии развлечений, у бедного учителя в соревновании с ними нет никаких шансов. Кто из школьных педагогов способен вызвать такую же бурю аплодисментов, как «Битлз»? Толстопузый учитель математики хотел бы, чтобы вся школа восторгалась иррациональными числами. Это, на мой взгляд, самая насущная задача образования – разрешить противоречие между сложившимся еще в викторианскую эпоху набором школьных дисциплин и стремлением современной молодежи к полноте жизни.

Никто не может отрицать ни того, что общество больно, ни того, что оно не хочет расставаться со своими болезнями. Общество борется с любыми человеческими усилиями, направленными на его улучшение. Оно выступало против введения избирательного права для женщин и отмены смертной казни, против реформы наших жестоких законов о разводе и о преследовании гомосексуалистов. В некотором смысле задача педагогов – противостоять массовой – овечьей психологии: когда у всех овец одинаковые шкуры и одинаковое бе-бе-бе-е, когда загоняют в угол паршивую овцу, бунтаря. У наших школ свои пастыри, отнюдь не всегда великодушные. Наши барашки-ученики одеты в миленькую одинаковую форму. Я не хочу излишне развивать эту метафору, но смею предположить, что символический «настриг шерсти» с множества скучающих учеников этому обществу подходит.

Образование призвано готовить детей к жизни в обществе и одновременно помогать им стать независимыми личностями, и самоуправление, без сомнения, делает и то и другое. В обычной школе добродетелью является послушание, причем доведенное до такой степени, что очень немногие ее выпускники во взрослой жизни способны бросить вызов хоть чему-нибудь. Тысячи студентов в педагогических учебных заведениях полны энтузиазма в отношении будущей профессии. Но уже через год после окончания колледжа они сидят в своих учительских и полагают, что в понятие «образование» входят только учебные предметы и дисциплина. Конечно, они не смеют бунтовать открыто, потому что это грозит потерей работы, но даже в мыслях бунтуют немногие. Человеку нелегко вырваться из пут сформировавшего его жизненного опыта. И вырастает новое поколение, которое навязывает все те же запреты, устаревшие нравственные правила и педагогические глупости уже следующему поколению, – и замыкается добрый старый порочный круг. Печальный факт: обработанные таким образованием люди принимают пороки своего общества как должное. Напалм? Трудно прийти в негодование по поводу детишек, заживо сожженных где-то в Азии. Расовая нетерпимость? Ну естественно, не следует смешивать расы. Здесь старик Адольф был прав. Я знаю, что Иисус велел нам любить ближних, но ведь он не говорил, что мы должны любить черных, правда ведь? (Звучит, как у Альфа Гарнетта – английского общественного деятеля 1950-х гг., известного своими расистскими взглядами.)

Да что мы все о школе и учителях! Почитайте, например, книгу Селби «Последний выход в Бруклин». В Британии она была запрещена законом. Ее запрет – еще одно проявление официального Чванства невежественных пуритан. Книга полна четырехбуквенных слов (а многие английские слова, считающиеся неприличными, состоят из четырех букв), описаний сексуальных извращений и самых низких человеческих проявлений, но я думаю, что многим было бы полезно с ней ознакомиться – она наглядно показывает кое-какие аспекты нашей хваленной культуры. Картина действительно страшная. В книге описана оборотная сторона американской кадиллачной, карьерной, жизнеотрицающей культуры, показано, что делают с человеческими существами трущобы, скверное образование и коммерциализация. Но ведь в той или иной степени все это есть в каждой стране и в каждом городе нашего мира. Все это – естественное следствие нашего благоденствующего общества, привычного «так хорошо еще никогда не было». Подлинной культуры там нет и не было. Мне кажется, что наши телевизионные программы ориентированы на зрителей с эмоциональной зрелостью восьмилетних детей. Что же происходит? Может, во всем виновата большая бомба, которая висит над нами? Давайте есть, пить и

веселиться, потому что завтра мы умрем. Или, скорее, это новый вид материализма, полагающего, что единственными источниками удовольствия являются автомобили, электрифицированные кухни, ночные клубы, бинго и прочие инфантильные идиотства? Мы живем на бедной улице, мы хипповые парни, у нас своя шайка. Пусть дураки работают и копят бабки, чтобы купить «ягуар». Мы всегда можем его угнать, чтобы куда-нибудь свозить своих девчонок.

Я иду на ощупь. Я безуспешно пытаюсь понять, почему человечество творит так много зла. Я не могу поверить во врожденную порочность людей, в существование первородного греха. Я повидал слишком много злобных детей, которые в условиях свободы и принятия их взрослыми становились хорошими. Но тогда почему изначально доброе человечество создает такой нездоровый, несправедливый и жестокий мир? Из опыта я знаю, что дети, воспитанные на самоуправлении и свободе, никогда не станут ненавидеть евреев или негров, не будут бить своих детей и внушать им понятие греховности секса, никогда не станут запугивать их сказками о карающем Боге. Поспешу добавить, что есть и другие школы, директора которых могли бы подписаться под этими словами. Я задаю себе вопрос: если Саммерхилл может растить людей, не склонных к ненависти, жестокости, милитаризму и предрассудкам, почему весь мир не может иметь школы, дающие подобные результаты? Две тысячи лет назад люди выбрали Варавву и распяли Христа. Сегодня они повторяют тот же выбор. Почему? Хотел бы я знать...

Все великие мира сего – его сократы, христы, фрейды, дарвины, папы и епископы – не смогли разгадать загадку человечности. И мы, малые, тоже не знаем ответа. Диагноз нам известен: разрушьте любовь – и вы получите ненависть. Нам только неизвестно, почему, собственно, мы разрушаем любовь. Фрейд и Райх говорят, что из-за страха перед сексом и ненависти к нему; Адлер говорит, что жажда власти превосходит желание любви. Но так ли уж важно нам знать причины? Фрейдизм ошибочно полагал, что осознание исходной травмы автоматически излечивает комплекс, игнорируя тот факт, что комплексы вызваны длительным и настойчивым подавлением в детстве. В самые трудные дни Саммерхилла малолетние мошенники избавлялись там от своих пороков, так и не осознав корни своего непреодолимого стремления к воровству. Человечество излечилось бы от своих болезней, если бы мы смогли избавиться от тирании в семье, строгих школ, жизнеотрицающей религии. Но как же огромно это «если бы»! И все же либо такое «если», либо человечество погибнет – от атомной бомбы, отравленных почвы и воздуха или отравленных чувств.

Учительница рассказывала классу о Нероне, о том, как он убил свою мать и веселился, когда горел Рим.

– Ну, дети, после того, что я вам рассказала, как вы думаете, Нерон был хорошим человеком или плохим? Ты, Билли.

– Не знаю, мисс, мне он ничего такого не сделал.

Философия Билли правит современным миром. Наводнения и землетрясения в Индии или Китае? Переверните страницу, и вы узнаете, как сыграли в субботу футболисты «Шеффилд Юнайтед». «Разве я сторож брату моему?» Конечно, нет, иначе зачем же мы избираем членов парламента? Или директоров школ? Или священников? Или армию?

Может быть, в конце концов первородный грех и существует... грех неучастия. Если Саммерхиллу и есть что сказать, то следующее: **ты не имеешь права на неучастие. Борись с нездоровьем мира, но не лекарствами вроде нравственных поучений и наказаний, а натуральными средствами – принятием, нежностью, терпимостью**. Я не осмеливаюсь использовать слово «любовь», потому что оно стало почти неприличным, как и множество других ясных и чистых четырехбуквенных англосаксонских слов.

Вступительное слово

Психология – в этой области никто не знает слишком много. Внутренние пружины человеческой жизни по-прежнему в основном скрыты от нас. С тех пор как гений Фрейда вдохнул в нее жизнь, психология продвинулась далеко, но все же она еще остается молодой наукой, только намечающей очертания берегов неизведанного континента. Лет через пятьдесят будущие психологи, наверное, улыбнутся нашему нынешнему невежеству.

С тех пор как я оставил теоретическую педагогику и занялся детской психологией, мне пришлось поработать с самыми разными детьми: поджигателями, ворами, лжецами, теми, кто мочился в постель, и теми, кто страдал приступами ярости. Годы напряженной работы убедили меня, что я довольно мало знаю о движущих силах жизни. Я уверен, однако, что родители, которые имеют дело только с собственными детьми, знают гораздо меньше, чем я. И поскольку я считаю, что трудным ребенка почти всегда делает неправильное обращение с ним дома, я осмеливаюсь обратиться к родителям.

В чем состоит задача психологии? Я предлагаю слово «лечение». Однако я вовсе не хочу быть излеченным от предпочтения оранжевого или черного цвета; от пристрастия к курению, равно как и от моей привязанности к бутылочке пива. Ни один педагог на свете не имеет права лечить ребенка от желания извлекать шум из барабана. Единственное, от чего можно лечить, – это несчастье.

Трудный ребенок – несчастливый ребенок. Он находится в состоянии войны с самим собой, а следовательно, и со всем миром.

Трудный взрослый сидит в той же лодке. Ни один счастливый человек никогда не нарушал порядок на собрании, не проповедовал войну, не линчевал негра. Ни одна счастливая женщина никогда не придиралась к своему мужу или детям. Ни один счастливый мужчина никогда не убивал и не крал. Ни один счастливый начальник никогда не держал своих подчиненных в страхе.

Все преступления, всю злобу, все войны можно свести к несчастью. **Эта книга – попытка показать, как возникает несчастье, как оно разрушает человеческую жизнь и что можно сделать, чтобы несчастье по возможности не возникало.** Более того, это книга о конкретном месте – Саммерхилле, где детское несчастье излечивается и, что еще важнее, дети воспитываются в счастье.

Часть первая

Школа Саммерхилл

Идея Саммерхилла

Это рассказ об одной современной школе, которая так и называется – Саммерхилл. Школа была основана в 1921 г. Она расположена в городке Лейстон в Саффолке, приблизительно в ста милях от Лондона.

Несколько слов об учениках Саммерхилла. Дети попадают в нашу школу обычно в возрасте 5 лет, но могут прийти и в 15. Оканчивают школу в 16 лет. Как правило, у нас около 25 мальчиков и 20 девочек.

Дети разделены на три возрастные группы: младшие – от 5 до 7 лет, средние – от 8 до 10 и старшие – от 11 до 15. У нас учится довольно много детей из других стран. В данный момент, в 1968 г., среди наших учеников два скандинава и 44 американца.

Дети размещаются в школе по своим возрастным группам, в каждой есть домоправительница. Спальни детей среднего возраста находятся в каменном здании, старшие спят в летних домиках. Только один или двое старших учеников имеют отдельные комнаты. Комнаты как мальчиков, так и девочек рассчитаны на два-три-четыре человека. Никто не проверяет комнаты, и никто за детьми не прибирает. Их оставляют в покое. Никто не говорит им, что надевать: они носят что хотят.

Школу с таким порядком газеты называют школой «делай-что-хочешь», журналисты считают, что у нас тут сборище примитивных дикарей, не признающих никаких правил и не умеющих себя вести. Поэтому мне придется рассказать о Саммерхилле настолько честно, насколько я вообще могу это сделать. Понятно, что я пристрастен, когда пишу о своей школе, но все-таки я постараюсь показать не только ее заслуги, но и упущения. Заслуга – здоровые и свободные дети, чья жизнь не испорчена страхом и ненавистью.

Очевидно, что школа, которая заставляет детей, активных по своей природе, все время сидеть за партами, изучая по большей части бесполезные предметы, – это плохая школа. Она хороша лишь для тех, кто верит именно в такую школу, для людей, которые лишены творческой жилки, стремящихся и детей привести не к творчеству, а к послушанию, к полному соответствию цивилизации, где единственный критерий успеха – деньги.

Саммерхилл начинался как экспериментальная школа. Теперь это скорее показательная школа, а показывает она, что свобода делает свое дело. Когда мы с моей первой женой создавали эту школу, у нас была одна ведущая идея: школа должна подходить детям, а не наоборот – дети школе.

Я много лет преподавал в обычных школах. Я хорошо знал другой способ организации школьной жизни и понимал, что он никуда не годится. Не годится потому, что он основывается на представлениях взрослых о том, каким ребенок должен быть и как учиться. Этот другой способ ведет отсчет своего существования с тех времен, когда психология как наука была еще неизвестна.

Так вот **мы** **взялись** **создать** **школу**, **в** **которой** **детям** **предоставлялась** **бы** **свобода** **быть** **самими** **собой**. Для этого мы должны были отказаться от **всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления**. Нас называли храбрецами, но это вовсе не требовало храбрости. Все, что требовалось, – это вера: в ребенка, в то, что он по природе своей существо

доброе, а не злое. Более чем за 40 лет вера в добрую природу ребенка ни разу не поколебалась и, скорее, превратилась в окончательную уверенность.

Я полагаю, что **ребенок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьется настолько, насколько способен развиваться.** Поэтому Саммерхилл – это такое место, где имеющие способности и желание заниматься наукой станут учеными, а желающие мести улицы будут их мести. Мы, правда, до сих пор не вырастили ни одного дворника. Я пишу это без всякого снобизма, потому что мне приятнее школа, выпускающая счастливых дворников, чем та, из которой выходят ученые-невротики.

Так что же это за школа, Саммерхилл? Во-первых, уроки необязательны. Дети вольны посещать их, если хотят, но могут и игнорировать – годами, если пожелают. Расписание существует, но только для учителей.

Дети обычно ходят на те занятия, которые соответствуют их возрасту, а иногда – интересам. У нас нет новых методов преподавания, потому что мы не считаем преподавание само по себе очень важным. Есть у школы особые способы обучения делению в столбик или их нет – не имеет никакого значения, потому что сам навык деления в столбик важен только для тех, кто хочет его освоить. А ребенок, который действительно хочет научиться делить в столбик, непременно будет уметь это делать независимо от того, каким способом его обучают.

Дети, которые поступили в Саммерхилл в дошкольном возрасте, ходят на уроки с самого начала своего пребывания у нас, но дети, поучившиеся прежде в других школах, заявляют, что они больше никогда в жизни не пойдут ни на один идиотский урок. Это продолжается порой несколько месяцев. Они играют, катаются на велосипедах, мешают другим, но уроков избегают. Время выздоровления от этой болезни пропорционально ненависти, порожденной у них их прошлой школой. Рекорд поставила одна девочка, пришедшая из монастырской школы. Она пробездельничала три года. Вообще, **средний срок выздоровления от отвращения к урокам – три месяца.**

Люди, не разделяющие нашей концепции свободы, подумают: что же это должен быть за сумасшедший дом, в котором дети, если хотят, могут играть целыми днями. Одни взрослые говорят: «Если бы меня отправили в такую школу, я бы вообще никогда ничего не делал». Другие говорят: «Такие дети будут чувствовать себя неполноценными, когда им придется состязаться с детьми, которых заставляли учиться».

Я же думаю о Джеке, который ушел от нас, когда ему было семнадцать, чтобы поступить на механический завод. Однажды его вызвал к себе управляющий.

– Ты парень из Саммерхилла, – сказал он. – Вот мне интересно, что ты думаешь об этом обучении теперь, когда ты встретился с ребятами из обычных школ. Если бы сейчас тебе снова пришлось выбирать, ты предпочел бы Итон или Саммерхилл?

– Конечно, Саммерхилл, – ответил Джек.

– Но что дает эта школа, чего не дают в других?

Джек поскреб затылок.

– Не знаю, – ответил он задумчиво. – Я думаю, что она дает чувство полной уверенности в себе.

– Да уж, – сухо констатировал управляющий, – я это заметил, когда ты вошел в мой кабинет.

– О Боже, – рассмеялся Джек, – жаль, если я произвел на вас такое впечатление.

– Мне это понравилось, – сказал управляющий. – Большинство людей, когда я вызываю их к себе в кабинет, ерзают на стуле и смущаются. Ты же вошел как равный. Между прочим, в какой отдел, ты сказал, ты хотел бы перейти?

Эта история показывает, что само по себе учение не так важно, как личность и характер. Джек провалился на экзаменах в университет, потому что ненавидел книжную премудрость.

Но недостаток знаний об «Эссе» Лэма¹ или незнание французского языка не сделали его не приспособленным к жизни. Сейчас он успешно работает механиком.

Между прочим, в Саммерхилле довольно много учатся. Возможно, группа наших двенадцатилетних и не сможет конкурировать с обычным классом такого же возраста в чистописании, орфографии или дробях. Но на экзамене, требующем сообразительности, наши разбили бы их в пух и прах.

У нас в школе нет переводных экзаменов, но иногда интереса ради я вдруг устраиваю нечто вроде экзамена. Однажды, например, были даны такие вопросы:

– *Где находятся Мадрид, остров Четверг, вчера, любовь, демократия, ненависть, моя карманная отвертка (увы, по поводу последнего не поступило ни одного полезного указания)?*

– *Приведите значения следующих слов (цифра показывает, сколько значений ожидается в каждом случае): hand²... только двое сумели правильно привести третье значение – единица измерения роста лошади. Brass³... металл, мелкие монеты, высшие армейские чины, оркестровая группа.*

– *Переведите монолог Гамлета «Быть или не быть» на саммерхиллский язык.*

Совершенно ясно, что эти вопросы несерьезны и дети получают от них огромное удовольствие. Новички, как правило, не поднимаются в ответах до уровня ребят, уже пообвыкшихся в школе. И не из-за слабости интеллекта, а скорее из-за укоренившейся привычки ходить проторенными дорожками, а свобода передвижения их озадачивает.

Мы говорили об игровом аспекте учения, но на всех занятиях проводится и большая работа. Если учитель почему-либо не может провести занятие, назначенное на данный день, то это обычно вызывает у детей большое разочарование.

Дэвида, 9 лет, пришлось изолировать из-за коклюша. Он горько плакал и протестовал: «Я же пропущу урок мисс Роджер по географии». Дэвид находился в школе практически с рождения, и у него были вполне определенные и окончательные представления о необходимости ходить на уроки, которые ему предлагают⁴. Сейчас Дэвид – профессор математики в Лондонском университете.

Несколько лет назад на общем собрании школы (где каждое из Правил для учащихся принимается всей школой, а каждый ученик и каждый сотрудник имеют при этом по одному голосу) кто-то предложил, чтобы определенные проступки наказывались отлучением от уроков на неделю. Дети запротестовали – это чересчур суровое наказание.

И я, и мои сотрудники до глубины души ненавидим экзамены. Для нас университетские экзамены – проклятие. Но мы не можем не учить наших ребят обязательным предметам. Пока экзамены существуют, нам приходится с этим считаться. А следовательно, педагоги Саммерхилла всегда достаточно квалифицированы, чтобы преподавать в соответствии с установленными стандартами.

Немногие дети хотят сдавать⁵ эти экзамены, к ним стремятся лишь те, кто собирается поступать в университет. Они обычно начинают серьезно готовиться к экзаменам лет с 14 и года за три осваивают все необходимое. Конечно, не всегда наши выпускники поступают с первой попытки. Важно, что они пробуют поступать снова.

¹ Лэм, Чарльз (Lamb) – известный английский писатель и критик конца XVIII – начала XIX в. Его произведение «Эссе Элии» входит в программу английских школ по литературе.

² Слово «hand» имеет в английском языке немало значений, среди которых есть и древняя единица измерения роста лошади, равная приблизительно 10 см.

³ Слово «brass» среди прочего означает медь как металл, мелкую монету, оркестровую группу, а на военном жаргоне – высшие армейские чины.

⁴ Если говорить по-английски, ученики выглядят более самостоятельными. Буквальный перевод этого места звучал бы так: «...у него были вполне определенные и окончательные представления о необходимости брать уроки, которые ему дают». Аналогичным образом англоговорящие ученики и студенты берут (или не берут) различные курсы и экзамены.

⁵ Ныне существующее положение или положение, которое существовало в некий момент прошлого.

Саммерхилл, вероятно, самая счастливая школа в мире. У нас нет прогульщиков и редко случается, чтобы дети тосковали по дому. У нас почти никогда не бывает драк – ссоры, конечно, неизбежны, но мне редко доводилось видеть кулачные бои вроде тех, в которых я участвовал мальчиком. Также редко я слышу, чтобы дети кричали, потому что у свободных детей, в отличие от подавленных, нет ненависти, которая требует выражения. Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь – любовью. Любовь означает принятие детей, и это существенно для любой школы. Вы не можете быть на стороне детей, если наказываете или браните их. Саммерхилл – это школа, где ребенок знает, что его принимают.

Надо заметить, что нам вовсе не чужды человеческие слабости. Однажды весной я занялся посадкой картофеля, и, когда в июне обнаружил, что восемь кустов выдернуто, я устроил большой скандал. Тем не менее разница между моим скандалом и тем, какой устроил бы авторитарный педагог, была. Мой скандал был по поводу картошки, а скандал, который устроил бы авторитарный педагог, концентрировался бы на нравственной проблеме честности и нечестности. Я не говорил, что воровать картошку нельзя. Я делал акцент на том, что это моя картошка и поэтому воровать ее не следовало. Надеюсь, я понятно объяснил разницу.

Другими словами, я для детей не начальник, которого надо бояться. Мы с ними равны, и шум, который я поднял по поводу моей картошки, имеет для них не большее значение, чем шум, который поднял бы любой из мальчиков по поводу проколотой шины своего велосипеда. Если вы равны, нет ничего страшного в том, что я поднял шум.

Кое-кто скажет: «Это все одни разговоры. Никакого равенства тут не может быть. Нилл – главный, он старше и мудрее». И это правда. Я главный, и, если бы случился пожар, дети побежали бы ко мне. Они знают, что я старше и опытнее, но, когда я встречаюсь с ними на их территории, на картофельной грядке, так сказать, это не имеет значения.

Когда пятилетний Билли велел мне убираться с его дня рождения, потому что меня туда не приглашали, я сразу ушел, нимало не колеблясь, – точно так же Билли убегает из моей комнаты, когда я не желаю его общества. Описать такие отношения между педагогами и детьми нелегко, но всякий, кто побывал в Саммерхилле, понимает, что я имею в виду, говоря об идеальных отношениях. Это видно и применительно к персоналу в целом. Мистера Клейна, химика, зовут по имени – Аллан. Другие сотрудники известны детям как Гарри, Ула, Дафна. Меня называют Нилл, а повараху – Эстер.

В Саммерхилле у всех равные права. Никому не позволено брэнчать на моем рояле, но и мне не позволено брать без спроса чей-либо велосипед. На общих собраниях школы голос шестилетнего ребенка значит столько же, сколько мой.

Искусанный человек, конечно, скажет, что на практике все решают голоса взрослых. Разве шестилетний ребенок, прежде чем поднять руку, не посмотрит на то, как голосуете вы? Хотел бы я, чтобы он действительно иногда так поступал, а то слишком много моих предложений проваливается. **Если дети свободны, на них не так-то легко повлиять, и причина – в отсутствии страха.** Что и говорить, отсутствие страха – самое прекрасное, что может быть в жизни ребенка.

Наши дети не боятся наших сотрудников. Одно из школьных правил состоит в том, что после десяти часов вечера в коридоре верхнего этажа должно быть тихо. Однажды вечером, около одиннадцати, разгорелась подушечная баталия, и я поднялся из-за стола, за которым писал, чтобы выразить протест по поводу шума. Когда я поднимался вверх, в коридоре поначалу раздавался топот, а затем стало тихо и пусто. И тут я услышал как бы даже разочарованный взглас: «Да это же Нилл», – и веселье возобновилось.

Когда я объяснил, что сижу внизу и пытаюсь писать книгу, они проявили сочувствие и сразу согласились прекратить шум. А разбежались они, подумав, что их застукал дежурный, обязанный следить за соблюдением времени отбоя (их ровесник).

Я хочу подчеркнуть важность отсутствия страха перед взрослыми. Девятилетний ребенок, разбив окно мячом, придет и скажет мне об этом. Скажет, потому что не боится, что я разозлюсь и начну читать мораль. Ему, возможно, придется заплатить за окно, но он не опасается нотации или наказания.

Несколько лет назад случилось так, что школьное правительство ушло в отставку и никто не хотел выставлять свою кандидатуру на выборы. Я воспользовался случаем и вывесил объявление: «В отсутствие правительства настоящим объявляю себя Диктатором. Хайль Нилл!» Вскоре начался ропот. В середине дня ко мне пришел шестилетний Вивьен и сказал: «Нилл, я разбил окно в спортзале». Я отмахнулся от него: «Не приставай ко мне с такими мелочами», – сказал я, и он ушел. Чуть позже Вивьен вернулся и сообщил, что разбил еще два окна. Тут мне стало любопытно, и я спросил, в чем, собственно, состоит его идея.

– Я не люблю диктаторов, – ответил мальчик, – и я не люблю оставаться без еды. (Позже я выяснил, что оппозиция диктатуре попыталась отстоять свои права у поварахи, но та быстренько заперла кухню и ушла домой.)

– Ну и что ты собираешься делать дальше? – поинтересовался я.

– Бить окна.

– Вперед! – поддержал его я, и он отправился.

Когда он снова вернулся, то объявил, что разбил еще семнадцать окон.

– Но имей в виду, – слова Вивьена звучали убедительно, – я за них заплачу.

– Каким же образом?

– Из своих карманных денег. Сколько времени на это понадобится?

Я быстренько прикинул и ответил:

– Около десяти лет.

На мгновение он помрачнел, но потом я увидел, как его лицо посветлело.

– Ха, – закричал он, – я вообще не должен за них платить!

– А как же насчет правила личной собственности? – спросил я. – Окна – это моя личная собственность.

– Это я знаю, но теперь ведь нет никакого правила личной собственности. Правительства-то нет, а правила делает правительство. – Возможно, выражение моего лица заставило его добавить: – Но я все равно за них заплачу.

Однако платить за окна ему не пришлось. Вскоре на своей лекции в Лондоне я рассказал эту историю. После выступления ко мне подошел молодой человек и вручил фунтовую банкноту со словами: «В уплату за окна этого дьяволенка». И спустя два года Вивьен продолжал рассказывать разным людям о разбитых окнах и человеке, заплатившем за них: «Он, должно быть, ужасный придурок, он ведь меня даже ни разу не видел».

Дети легче вступают в контакт с незнакомцами, когда им неведом страх. **Английская сдержанность на самом деле – страх; и именно поэтому самые сдержанные люди – у кого больше всего денег.** То, что дети Саммерхилла так исключительно приветливы с гостями, – предмет гордости и для меня, и для моих коллег.

Следует, однако, признать, что большинство наших посетителей сами по себе интересны детям. Наименее желательный для них род гостей – ревностные педагоги, которые непременно хотят посмотреть их рисунки или письменные работы. Самый желанный гость – тот, у кого есть что рассказать – о приключениях или путешествиях, а лучше всего об авиации. Боксер или известный теннисист немедленно попадет в окружение детворы, а тот, кто только разглагольствует, будет безжалостно оставлен в одиночестве.

Чаще всего наши гости отмечают, что невозможно отличить детей от сотрудников. Это правда: чувство единения оказывается очень сильным, когда дети ощущают поддержку. Учитель как таковой ничем не выделяется. Ученики и сотрудники едят одно и то же и подчиняются

одинаковым для всех правилам общежития. Дети возмутились бы, если бы персоналу были предоставлены какие-либо привилегии.

Когда я стал проводить с персоналом еженедельные беседы по психологии, поднялся ропот – это показалось несправедливым. Я изменил свой план и сделал беседы открытыми для всех, кто старше 12 лет. И так каждый вторник вечером моя комната набита подростками, которые не только слушают, но и свободно высказывают свое мнение. Вот некоторые темы, которые дети просили меня обсудить: комплекс неполноценности, психология воровства, психология гангстера, психология юмора, почему человек изобрел мораль, мастурбация, психология толпы. Очевидно, что такие дети выйдут в жизнь с довольно широким и ясным представлением о себе и других.

Вопрос, который чаще всего задают посетители Саммерхилла, таков: «Не осудит ли ребенок, оглядываясь назад, школу за то, что она не заставляла его заниматься арифметикой или музыкой?» Ответ состоит в том, что юный Фредди-Бетховен или Томми-Эйнштейн все равно не позволят удержать их в стороне от соответствующих занятий.

Задача ребенка состоит в том, чтобы прожить свою собственную жизнь, а не ту, которую выбрали ему беспокойные родители. Разумеется, и не ту, которая соответствовала бы целям педагога, полагающего, что уж он-то знает, как лучше. Вмешательство и руководство со стороны взрослых превращают детей в роботов.

Вы не можете заставлять ребенка учиться музыке или чему-нибудь еще, не подавляя его волю и тем самым, хотя бы в некоторой степени, не превращая его в безвольного взрослого. Вы делаете из них людей, безропотно принимающих status quo, удобных для общества, которому нужны люди, послушно сидящие за скучными столами, толкущиеся в магазинах, автоматически вскакивающие в пригородную электричку в 8.30, – короче говоря, для общества, сидящего на хилых плечах маленького дрожащего человека – до смерти напуганного конформиста.

Взгляд на Саммерхилл

Опишу типичный день Саммерхилла. С 8.15 до 9.00 – завтрак. Дети и сотрудники берут себе завтрак на кухне и несут в столовую. Предполагается, что к началу уроков, в 9.30, постели будут застелены.

В начале каждого семестра вывешивается расписание. Так, в лаборатории у Дерека 1-й класс занимается по понедельникам, 2-й класс – по вторникам и т. д.⁶ Похожее расписание у меня по английскому языку и математике, у Мориса – по географии и истории. Младшие дети (7–9 лет) обычно большую часть первой половины дня проводят со своим собственным учителем, но они тоже посещают занятия по естественным наукам или Комнату искусств.

Детей никогда не принуждают присутствовать на уроках. Правда, если Джимми в понедельник придет на английский, а в следующий раз появится только через неделю в пятницу, то остальные вполне справедливо отметят, что он мешает им продвигаться, и могут даже прогнать его за это.

Вообще уроки продолжаются до часу, но у дошколят и младших школьников в 12.30 ленч. Школе приходится кормиться в две смены. У старших детей и персонала ленч в 13.30.

Вторая половина дня у всех совершенно свободна. Чем они занимаются в это время, я даже не знаю. Я садовничаю и редко вижу ребят поблизости. Одни старшие заняты моторами или радио, другие рисуют или пишут красками. В хорошую погоду старшие играют в спортивные игры. Кто-то возится в мастерской, чинит свой велосипед, делает лодку или игрушечный револьвер.

В 16 часов подается чай. В 17 начинаются разные занятия. Младшие любят, чтобы им читали. Средняя группа предпочитает работать в Комнате искусств: рисовать, делать линогравюры, мастерить что-нибудь из кожи, плести корзины. Обычно довольно многолюдно в гончарной мастерской, это фактически самое любимое место у ребят и утром, и вечером. Самые старшие работают после чая и, бывает, задерживаются допоздна. Мастерская для работы по дереву и металлу всегда полна допоздна.

Вечером в понедельник ребята ходят в местный кинотеатр (за счет родителей). Если репертуар меняется в четверг, те, у кого есть деньги, могут снова пойти в кино.

Вечером во вторник персонал и старшие дети слушают мои беседы по психологии. В это время младшие дети, разделившись на группы, читают. Вечер среды посвящается танцам. Пластинки для танцев выбираются из огромной стопки. Все дети – хорошие танцоры, и некоторые наши гости говорят, что чувствуют себя не на высоте, танцуя с ними. Для вечера четверга ничего специально не предусмотрено. Старшие отправляются в кино в Лейстон или Альдборо. Вечер пятницы отведен для особых случаев, например репетиций спектаклей.

Вечер субботы – самый важный у нас, потому что это время общего собрания школы. После собрания обычно бывают танцы. В зимние месяцы воскресные вечера отданы самодеятельному театру.

Для занятий ручным трудом расписания нет. Нет и установленных заданий в столярной мастерской. Дети делают что хотят. А хотят они почти всегда игрушечный револьвер, ружье, лодку или змея. Даже старших мальчиков не привлекают сложные столярные работы типа распущенного веером хвоста голубя. Мало кого интересует и мое увлечение – чеканка, ведь медный сосуд дает не слишком много простора для воображения.

В хорошую погоду саммерхиллских гангстеров можно и не заметить. Они разбегаются по дальним уголкам и предаются своим отчаянным приключениям. Но девочки на виду: в доме или около него, но всегда поблизости от взрослых.

⁶ Порядковый номер класса в данном случае обозначает группу, в которую дети объединены по возрасту.

Комната искусств часто полна девочек – они рисуют или делают замечательные вещи из ярких тканей. Как мне кажется, маленькие мальчики более изобретательны, чем девочки; по крайней мере я никогда не слышал от мальчика, что ему скучно, что он не знает, чем заняться, а от девочек такое слышать доводилось.

Возможно, однако, что мальчики кажутся мне более изобретательными, чем девочки, поскольку школа лучше оборудована для мальчиков. Девочки лет 10 и старше редко находят себе дело в мастерской, где работают с деревом и металлом. У девочек нет желания возиться с двигателями, их не привлекают электричество и радио. У них есть их художественная работа, которая включает гончарное ремесло, изготовление линогравюр, живопись и шитье, но некоторым этого недостаточно. В кулинарии мальчики не менее ловки, чем девочки. И девочки, и мальчики пишут и ставят свои собственные пьесы, делают костюмы и декорации. В целом актерские способности детей очень высоки, потому что их игра искренна и они не переигрывают.

Химическую лабораторию девочки, похоже, посещают не реже, чем мальчики. Мастерская, по-видимому, единственное место, не привлекающее девочек старше 9 лет.

Девочки принимают менее активное участие в школьных собраниях, чем мальчики, и я пока не знаю, чем это объяснить. До недавнего времени девочки обычно поздно поступали в Саммерхилл; у многих из них не удалась учеба в монастырских и женских школах. Я никогда не считаю таких детей хорошим материалом для воспитания в условиях свободы. Девочки, поздно поступавшие к нам, были, как правило, детьми родителей, не умевших ценить свободу, ибо, если бы они ее действительно ценили, их дочери не стали бы «трудными»⁷. А после того как такая девочка в Саммерхилле оправлялась от своей неудачи, родители быстренько переводили ее в «хорошую школу, где ей дадут образование».

В последние годы к нам стали поступать девочки из семей, верящих в Саммерхилл. Это замечательные дети, полные жизнелюбия, оригинальности и инициативы.

Иногда мы теряли девочек по финансовым причинам, в частности, из-за того, что надо было платить за пребывание их братьев в дорогих частных школах. Старинная традиция считать сына главным в семье умирает трудно. Случалось, мы теряли и девочек, и мальчиков из-за собственнической ревности родителей, боявшихся, что дети отдадут школе ту преданность, которую они обязаны проявлять по отношению к семье.

Саммерхиллу всегда приходилось тем или иным образом бороться за свое существование. **Немногие родители обладают достаточным терпением и верой, чтобы отправить своих детей в школу, где те смогут играть, вместо того чтобы учиться. Родителей дрожь берет при мысли, что к 21 году их ребенок может оказаться не способен зарабатывать себе на жизнь.**

Сегодня в Саммерхилле в основном учатся те, чьи родители хотят, чтобы дети выросли без ограничивающей их дисциплины. Это большое счастье, потому что в прежние времена я, бывало, получал сына твердолобого консерватора, отправлявшего его ко мне от отчаяния. Таких родителей вовсе не интересовала свобода для их детей, и в душе они, должно быть, считали нас кучкой помешанных чудаков. Таким консерваторам было очень трудно что-нибудь объяснить.

Я вспоминаю одного военного господина, который размышлял, не записать ли к нам в ученики своего девятилетнего сына.

– Место вроде подходящее, – говорил он, – но у меня есть одно опасение. Мой мальчик может здесь научиться мастурбации.

⁷ То, что принято называть по-русски «трудный ребенок», по-английски обозначается как «problem child» – ребенок с проблемами.

Я спросил его, почему он так уж этого боится.

– Это ведь ему повредит, – ответил он.

– Но ведь это не слишком повредило ни вам, ни мне, не правда ли? – поинтересовался я. Он поспешил убраться отсюда вместе с сыном.

Потом была еще одна богатая мамаша, которая после часа расспросов повернулась к мужу и сказала:

– Я никак не могу решить, отдавать сюда Марджори или нет.

– Не трудитесь, – сказал я. – Я решил за вас. Я ее не беру.

Мне пришлось объяснить ей, что я имел в виду.

– Вы на самом деле не верите в свободу, – сказал я. – И если бы Марджори поступила сюда, мне пришлось бы потратить полжизни, объясняя вам, что это такое, и в конце концов вы все-таки не были бы удовлетворены. Для психики Марджори результат был бы разрушителен, потому что перед ней постоянно маячил бы ужасный вопрос: кто прав – дом или школа?

Идеальные родители – это те, которые приходят и говорят: «Саммерхилл – это как раз то место, которое необходимо для наших детей; никакая другая школа нам не годится».

Особенно трудно было, когда мы открывали школу. Мы могли принимать детей только из высших и средних слоев населения, поскольку нам нужно было как-то сводить концы с концами. За нами не было никакого богача мецената. В самом начале один добрый человек, пожелавший сохранить анонимность, помог нам пережить пару трудных моментов; позднее один из родителей сделал щедрый подарок – новую кухню, радиоприемник, новый флигель к нашему дому, новую мастерскую. Это был идеальный спонсор – он не ставил никаких условий и ничего не просил взамен.

– Саммерхилл дал моему Джимми то образование, которого я для него хотел, – просто сказал Джеймс Шэнд, потому что по-настоящему верил в необходимость свободы для детей.

Однако мы никогда не могли принимать детей бедняков. И это очень жаль, потому что нам пришлось ограничить свое исследование детьми среднего класса. А природа ребенка порой довольно трудно просматривается за большими деньгами и дорогой одеждой. Когда девочка знает, что к своему двадцать первому дню рождения она станет обладательницей значительного состояния, в ней нелегко обнаружить ее детскую сущность. К счастью, однако, большинство нынешних и прежних учеников Саммерхилла не были испорчены богатством, все они знают, что сами будут зарабатывать себе на жизнь, когда школа останется позади.

В Саммерхилле работают нянечки из городка. Они проводят у нас целый день, а спать уходят домой. Это молодые девушки, которые много и хорошо трудятся. В свободной атмосфере, где ими никто не командует, они работают больше и лучше, чем это делают служанки, которых постоянно контролируют. Они во всех отношениях прекрасные девушки. Я всегда испытываю стыд за то, что этим девушкам приходится много работать, потому что они родились бедными, в то время как я всю жизнь учу девочек из обеспеченных семей, у которых не хватает энергии застелить собственную постель. Должен, однако, признаться, что сам ненавижу убирать постель. Мои убогие отговорки, что у меня так много других дел, не производят никакого впечатления на детей. Они глумливо хихикают, когда я оправдываюсь тем, что не следует ожидать от генерала, чтобы он убирал мусор.

Я не раз говорил, что взрослые Саммерхилла не образцы добродетели. Мы такие же люди, как и все, и наши человеческие слабости часто входят в конфликт с нашими же теориями. В обычной средней семье, если ребенок разбивает тарелку, отец или мать поднимают шум – тарелка становится важнее ребенка. В Саммерхилле, если ребенок или нянечка роняет стопку тарелок, я ничего не говорю и моя жена никак это не комментирует. Оплотность есть оплотность. Но если ребенок берет у нас книгу и оставляет ее на улице под дождем, моя жена сердится, ибо книги значат для нее очень много. Меня подобные случаи не трогают, потому что

книги не имеют для меня особой ценности. В то же время моя жена ужасно удивляется, когда я устраиваю скандал из-за сломанного зубила. В отличие от нее я высоко ценю инструменты.

Для нас жить в Саммерхилле – это постоянно отдавать. Гораздо больше, чем дети, нас утомляют посетители, потому что они тоже ждут от нас некоей отдачи. Возможно, отдавать – более похвально, чем получать, но, безусловно, гораздо утомительнее.

Наши общие собрания по субботам, к сожалению, выявляют некоторое противостояние между детьми и взрослыми. Это естественно, так как **в сообществе людей разного возраста взрослые не должны жертвовать всем ради младших, иначе они окончательно испортили бы детей.** Взрослые жалуются, что шайка старших школьников не дает им уснуть своим смехом и разговорами, после того как все уже легли. Гарри жаловался, что он потратил целый час, расчерчивая доску для входной двери, сходил на ленч и, вернувшись, обнаружил, что Билли превратил ее в полочку. Я выдвигаю обвинения против мальчишек, которые позаимствовали и не вернули мой паяльный набор. Моя жена поднимает шум из-за того, что три малыша, которые пришли после ужина и заявили, что они голодны, получили по куску хлеба с джемом, а наутро хлеб валялся в холле. Питер печально докладывает, что в гончарной мастерской наши разбойники кидались друг в друга его драгоценной глиной. Вот так она и идет, эта борьба между взрослой точкой зрения и детской несознательностью. Но борьба никогда не переходит на личности; никто не таит зла по отношению к конкретному человеку. Этот конфликт делает Саммерхилл очень живым. Что-то постоянно происходит, и за целый год не случается ни одного скучного дня.

Персонал, к счастью, не слишком одержим собственностью. Однако я признаю, что мне больно, когда, купив жестянку особой краски по три фунта за галлон, вдруг обнаруживаю – одна из девочек взяла этот драгоценный состав, чтобы покрасить старую кровать. Я очень дорожу своим автомобилем, пишушей машинкой и инструментами, но ущемление моего чувства собственности не сказывается на моем отношении к людям. Если для вас это не так, вам не следует быть директором школы.

Большой износ и расход материалов в Саммерхилле вполне понятен, этого можно избежать только держа всех в страхе. Износа и истощения душевных сил избежать невозможно, потому что дети всегда чего-то просят и требования детей должны быть удовлетворены. Дверь моей гостиной открывается по пятьдесят раз в день, и кто-нибудь из детей спрашивает:

- Сегодня вечером будет кино?
- Почему мне не дают Л.У. (личный урок)?
- Ты не видел Пэм?
- А где Энн?

Все это обычный рабочий день, и я не чувствую особенного напряжения, хотя у нас, по существу, настоящей личной жизни нет. Возможно, отчасти это связано с тем, что наш дом по своему устройству не слишком пригоден для школы; впрочем, так кажется только взрослым, поскольку дети сидят у нас на шее. Так или иначе, но к концу семестра и я, и жена ужасно устаем.

Стоит отметить, что наши сотрудники очень редко теряют самообладание. Это свидетельствует в пользу не только персонала, но и детей. В самом деле, жизнь с этими детьми восхитительна, и поводы выйти из себя чрезвычайно редки. **Если ребенок свободен и принимает самого себя таким, какой он есть, он обычно не злится и не находит никакого удовольствия в том, чтобы вывести из себя взрослого.**

Однажды у нас чересчур чувствительную к критике в свой адрес учительницу задразнили девчонки. Никого другого из персонала они не стали бы дразнить, потому что никто бы так не реагировал. **Обычно дразнят только того, кто слишком много о себе воображает.**

Проявляют ли ученики Саммерхилла агрессивность, обычную для детей? Что ж, каждому ребенку нужна некоторая агрессивность, чтобы проложить себе дорогу в жизни. Чересчур

высокая агрессивность, которую мы видим в несвободных детях, есть утрированный протест против ненависти, направленной на них. В Саммерхилле, где ни один ребенок не чувствует ненависти со стороны взрослых, агрессивность не так необходима. **Агрессивные дети, которые у нас есть, – это всегда те, которые не получают в семье ни любви, ни понимания.**

Когда я, еще мальчиком, ходил в сельскую школу, разбитые в кровь носы случались по меньшей мере еженедельно. Агрессивность драчливого типа есть ненависть; для выхода нужны драки. Дети, находящиеся в атмосфере, совершенно лишенной ненависти, не проявляют ее.

Я полагаю, что то значение, которое фрейдисты придают агрессивности, вызвано изучением семей и школ – таких, каковы они есть. Нельзя изучить собачью психологию, наблюдая ретривера на цепи. Не стоит и умозрительно теоретизировать по поводу человеческой психологии, когда человечество посажено на строгую цепь, создававшуюся поколениями жизненавистников. Я утверждаю: в свободной атмосфере Саммерхилла проявления агрессивности совершенно непохожи на те, что характерны для школ со строгой дисциплиной.

Однако свобода в Саммерхилле отнюдь не означает пренебрежения здравым смыслом. Мы принимаем все меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность учеников. Например, дети могут купаться, только если на месте находятся спасатели – по одному на шестерых детей; ни один ребенок младше 11 лет не может в одиночку ездить на велосипеде по улице. Эти правила исходят от самих детей, они утверждены голосованием на общем собрании школы.

Лазанье по деревьям никаким законом не регламентировано. **Лазанье по деревьям – часть жизненного образования; запретить вообще рискованные предприятия – значит сделать ребенка трусом.** Мы запрещаем лазанье по крышам, пневматические ружья и другое оружие, которое может поранить. Я неизменно беспокоюсь, когда все как сумасшедшие дерутся на деревянных мечях, и настаиваю на том, чтобы их концы были обмотаны резиной или тканью, но и при соблюдении этих условий я счастлив, когда сумасшествие идет на убыль. Трудно провести границу между разумной осторожностью и излишней мнительностью.

У меня никогда не было любимчиков в школе. Конечно, какие-то дети нравятся мне больше, но я научился не показывать этого. Возможно, успех Саммерхилла отчасти объясняется тем, что дети чувствуют: к ним ко всем относятся одинаково и уважительно. Я всегда боюсь сентиментального отношения к детям в любой школе, ведь так легко воображать своих гусей лебедями и видеть Пикассо в ребенке, способном заляпать краской лист бумаги.

В большинстве школ, где мне пришлось преподавать, учительская была маленьким адом, полным интриг, ненависти и зависти. Наша учительская – счастливое место. Здесь нет злобы. В условиях свободы взрослые, как и дети, обретают счастье и доброжелательность. Бывает, что кто-то из новых членов нашего коллектива поначалу реагирует на свободу почти так же, как дети: он может ходить небритым, подолгу валяться в постели утром, даже нарушать законы школы. К счастью, у взрослых изживание комплексов обычно происходит быстрее, чем у детей.

Через воскресенье по вечерам я рассказываю младшим детям истории их собственных приключений. Я делаю это годами; они побывали в глубинах Африки, на дне океанов и за облаками. Некоторое время назад я рассказал им, что случилось после моей смерти. Саммерхилл перешел под начало сурового человека по имени Маггинс. Он сделал уроки обязательными. Если кто-то произносил всего лишь «черт!», его наказывали розгой. Я живописно изобразил, как все они кротко подчинились его приказам.

Детвора – от 3 до 8 лет – пришла в ярость: «Мы не подчинились. Мы все убежали. Мы его убили молотком. Думаешь, мы бы стали терпеть такого человека?»

В конце концов я понял, что смогу успокоить их, только ожив и вышвырнув господина Маггинса за порог. Это были самые младшие дети, никогда не знавшие строгой школы, и их ярость была спонтанна и естественна. Детям было противно даже подумать о мире, в котором директор школы не на их стороне, благодаря их опыту жизни не только в Саммерхилле, но и дома, где мама и папа тоже всегда за них.

Один американский гость, профессор психологии, критиковал нашу школу за то, что она остров, чье население не участвует в окружающей жизни и не является органической частью более крупной социальной общности. Я в ответ поинтересовался: а что произошло бы, если, создавая школу в маленьком городке, я попытался бы подстроить ее под вкусы местного населения? Сколько человек – в расчете на сотню родителей – одобрили бы свободу выбора в отношении посещения уроков? Сколько человек согласились бы с правом ребенка мастурбировать? С самого первого слова я вынужден был бы приносить в жертву компромиссам то, в истинность чего я верю.

Да, Саммерхилл – остров. Он и должен быть островом, потому что родители его учеников живут за много миль от него и даже в других странах. Раз невозможно собрать всех родителей вместе в городке Лейстон, графство Саффолк, Саммерхилл не может быть частью культурной, экономической и общественной жизни Лейстона.

Добавлю, что школа все же не в полном смысле слова является островом по отношению к Лейстону. У нас множество контактов с местными жителями, и отношение друг к другу обеих сторон вполне дружеское. Тем не менее мы, конечно же, не стали частью местного сообщества. Мне никогда в голову не пришло бы попросить издателя местной газеты напечатать рассказ об успехах моих бывших учеников.

Мы играем с городскими детьми в спортивные игры, но в отношении образования наши цели слишком сильно расходятся. Не принадлежа ни к какой религии, мы не поддерживаем связи ни с одной религиозной организацией города. Будь Саммерхилл интегрирован в городскую жизнь, нас бы вынудили давать ученикам религиозное образование.

Я уверен, что мой американский друг сам не понимал смысла своей критики. Думаю, он имел в виду следующее: Нилл – просто бунтарь, его система не может ничего предложить, чтобы сплотить общество в гармоничном единстве, не преодолевает пропасть между детской психологией и общественным невежеством в этой области, между жизнью и анти-жизнью, между школой и домом. Мой ответ состоит в том, что я не проповедник, активно стремящийся обратить общество в свою веру; я могу лишь убеждать в необходимости избавления от ненависти, наказаний и мистики. Хотя я пишу и говорю открыто все, что я думаю об этом самом обществе, но, попытайся я на деле изменить его, оно уничтожило бы меня как существо общественно опасное.

Если бы, например, я попытался создать общество, в котором подростки имели свободу естественным образом вести свою интимную жизнь, я был бы по меньшей мере разорен, если вообще не посажен в тюрьму как безнравственный растлитель юношества. При всей ненависти к компромиссам здесь я должен идти на компромисс, понимая, что моя главная цель не реформировать общество, а принести счастье в жизнь хотя бы нескольких детей.

Образование в Саммерхилле по сравнению со стандартным образованием

Я полагаю, что цель жизни состоит в том, чтобы найти свое счастье и, следовательно, найти свой интерес в жизни. Образование должно бы стать подготовкой к жизни. Наша культура, однако, не слишком в этом преуспела: наши образование, политика и экономика ведут к войнам. Наши лекарства не в силах справиться с болезнями. Наша религия не может победить ростовщичество и грабеж. Наш хваленый гуманизм до сих пор позволяет общественному мнению одобрительно относиться к варварскому спорту – охоте. Достижения нашего века сводятся к техническому прогрессу: к изобретению радио и телевидения, электроники, реактивных самолетов. Нам грозят новые мировые войны, поскольку мировое общественное сознание остается примитивным.

Если бы нам захотелось ответить на следующие каверзные вопросы, сделать это было бы нелегко. Почему у людей, похоже, гораздо больше разных болезней, чем у животных? Почему люди ненавидят и убивают друг друга на войне, а животные – нет? Почему люди все чаще болеют раком? Почему так много самоубийств? А сексуальных маньяков? Откуда такой человеконенавистнический антисемитизм? Откуда ненависть к неграм и суд Линча? А клевета и злословие за спиной? Почему секс – это что-то грязное и объект непристойных шуток? Почему незаконнорожденный обречен на общественное презрение? Почему продолжают существовать религии, давно уже утратившие веру в любовь, надежду и милосердие? Почему? Тысячи разных «почему?» вызывает пресловутое превосходство нашей цивилизации!

Я задаю все эти вопросы потому, что я по профессии – учитель, человек, имеющий дело с молодежью. Я задаю эти вопросы потому, что те вопросы, которые обычно задают учителя, – неважные, ибо касаются преимущественно школьных предметов. Я спрашиваю, что существенно важного могут дать дискуссии о французской или древней истории, если сами эти предметы не имеют никакого значения в сравнении с гораздо более важным для жизни вопросом – личного счастья человека.

Сколько в нашем образовании настоящего дела, созидания, подлинного самовыражения? Даже уроки труда чаще всего посвящены изготовлению железного противня под наблюдением специалиста. **Даже система Монтессори, широко известная как система обучающей игры, есть искусственный способ заставить ребенка учиться через действие. Ничего творческого в ней нет.**

В семье ребенка тоже постоянно учат. Почти в каждом доме всегда найдется по крайней мере один великовозрастный недоросль, который кинется показывать Томми, как работает его новая машинка. Всегда есть кто-нибудь, готовый поднять малыша на стул, когда тот хочет рассмотреть что-то на стене. **Всякий раз, показывая Томми, как работает его новая машинка, мы крадем у ребенка радости жизни: открытия, преодоления трудностей. Хуже того! Мы заставляем ребенка поверить, что он маленький, слабый и зависит от посторонней помощи.**

Родители не спешат понять, насколько неважна учебная сторона школы. **Дети, как и взрослые, научаются только тому, чему хотят научиться. Все награды, оценки и экзамены лишь отвлекают от подлинного развития личности.** И одни лишь доктринеры могут утверждать, что учение по книжкам и есть образование.

Книги – наименее важный инструмент школы. Все, что действительно нужно каждому ребенку, – это чтение, письмо и арифметика; остальное надо предоставить инструментам и глине, спорту и театру, краскам и свободе.

Большая часть школьной учебы, которую выполняют подростки, – простая растрата времени, сил, терпения. Она отбирает у детства право играть, играть и играть; она водружает старческие головы на юные плечи.

Когда я читаю лекции студентам университетов или педагогических колледжей, я всякий раз поражаюсь инфантильности, незрелости этих парней и девушек, набитых бесполезным знанием. Они немало знают, они блистательно рассуждают, они могут процитировать классиков, но в своих взглядах на жизнь многие из них просто младенцы. Потому что их учили знать, но не разрешали чувствовать. Эти студенты приветливы, доброжелательны, энергичны, но чего-то им не хватает: эмоциональности особого рода, способности подчинять мышление чувствам. И я говорю с ними о мире, который они не замечали и продолжают не замечать. Их учебникам нет дела ни до человеческих характеров, ни до любви, ни до свободы, ни до самоопределения. Так система и живет, ориентируясь только на стандарты книжного учения и продолжая разлучать ум и сердце.

Настало время бросить вызов существующим представлениям о работе школы. Считается само собой разумеющимся, что каждый ребенок должен изучать математику, историю, немного естественных наук, чуть-чуть искусства и, уж конечно, литературу. Пришло время понять, что обычный ребенок толком не интересуется ни одним из этих предметов.

Подтверждение этому я нахожу в каждом новом ученике. Узнав, что учеба – дело добровольное, он кричит: «Ура! Теперь уж никто не застанет меня за арифметикой или еще какой-нибудь скучной ерундой!»

Я вовсе не пытаюсь умалить значение учебы. Однако она по важности должна идти после игры. И не надо эдак аккуратненько перемежать учебу игрой, чтобы сделать ее приятной.

Учеба важна, но не для каждого. Нижинский не мог сдать школьные экзамены в Санкт-Петербурге, а без этого его не могли принять в Государственный балет. Он просто не мог выучить школьные предметы – его мысли были далеко от них. Как рассказывает его биограф, экзаменаторы смошенничали, выдав ему тексты ответов вместе с бумагой для подготовки. Как велика была бы потеря для мира, если бы Нижинскому пришлось сдавать экзамены по-настоящему!

Творческие люди изучают то, что хотят знать, чтобы обрести орудия, которых требуют их индивидуальность и талант. Нам никогда не узнать, сколько творчества убивается в школьных классах из-за того, что школа придает такое значение учебе.

Я знал девочку, которая каждую ночь рыдала над геометрией. Мать хотела, чтобы она поступила в университет, а девочка по всему своему складу была натурой артистической. Я пришел в восторг, когда узнал, что она в седьмой раз провалила вступительные экзамены в колледж. Может быть, теперь мать позволит ей наконец уйти на сцену, к чему дочь так долго стремилась.

Некоторое время назад я встретился в Копенгагене с девочкой, проведеншей три года в Саммерхилле и прекрасно говорившей по-английски. «Думаю, ты первая в классе по английскому языку», – сказал я. Она скорчила унылую гримасу и ответила: «Нет, я последняя в классе, потому что не знаю английской грамматики». Полагаю, это едва ли не лучший пример того, что взрослые считают образованием.

Равнодушные школяры, под нажимом заканчивающие колледж или университет и превратившиеся в лишенных воображения учителей, посредственных врачей и некомпетентных юристов, могли бы стать хорошими механиками, отличными каменщиками или первоклассными полицейскими.

Мы обнаружили, что ребенок, который не может или не хочет учиться читать лет, скажем, до пятнадцати, – это всегда человек с технической жилкой, впоследствии из него получается хороший механик или электрик. Что касается девочек, кото-

рые никогда не посещают уроков, особенно по математике и физике, я не стал бы делать столь же категорических выводов. Такие девочки часто проводят много времени за рукоделием, и некоторые впоследствии становятся портнихами или дизайнерами одежды. Учебный план, который заставляет будущую портниху заниматься квадратными уравнениями или законом Бойля, абсурден.

Колдуэлл Кук написал книгу под названием «Путем игры», в которой рассказал, как он обучал английскому языку игровым методом. Получилась прекрасная, увлекательная книга, полная великолепных находок, тем не менее я полагаю, что это был лишь новый способ поддержать теорию об исключительной важности учения. Кук считал учение настолько важным, что подсластил игрой эту пилюлю. **Представление, что, если ребенок не учится непременно чему-нибудь, значит, он теряет время попусту, – какое-то проклятие, пагуба, ослепляющая тысячи учителей и большинство школьных инспекторов.** Пятьдесят лет назад звучал лозунг: «Учиться в деле». Сегодня лозунгом стало «Учиться в игре». Игра, таким образом, используется лишь как средство достижения цели, но я, право, не знаю, чем хороша сама цель.

Если учитель, увидев детей, играющих в грязи, немедленно использует этот прекрасный момент, чтобы порассуждать об эрозии речных берегов, какую, собственно, цель он преследует? Какое ребенку дело до этой эрозии? Многие так называемые педагоги полагают: совершенно не важно, чему ребенок учится, лишь бы ему что-нибудь преподавали. И конечно, что еще может делать учитель в школе – такой, как она есть, т. е. на фабрике массового производства, кроме как преподавать хоть что-нибудь и научиться верить в первоочередное значение преподавания самого по себе?

Читая лекции учителям, я заранее предупреждаю, что не собираюсь говорить ни о школьных предметах, ни о дисциплине, ни об уроках. С час моя аудитория слушает в глубоком и восхищенном внимании, и после искренних аплодисментов председательствующий объявляет, что я готов ответить на вопросы. По крайней мере три четверти вопросов касаются школьных предметов.

Я говорю об этом без всякого осуждения. Я говорю об этом с сожалением, чтобы показать, что стены классов и зданий тюремного типа суживают взгляд учителя и не дают ему увидеть подлинно существенные стороны образования. Его работа направлена исключительно на ту часть ребенка, что находится выше шеи, а следовательно, эмоциональная, т. е. самая жизненно важная, сторона ребенка для него закрыта.

Я был бы рад увидеть более широкое сопротивление этому со стороны наших молодых учителей. Но высшее образование и университетские степени нисколько не помогают бороться с пороками общества. Образованный невротик ничем не отличается от необразованного.

Во всех странах – капиталистических, социалистических или коммунистических – строятся тщательно продуманные школы для образования молодежи. Но все эти прекрасные лаборатории и мастерские не делают ничего, чтобы помочь Джону, Петеру или Ивану пережить эмоциональный урон и преодолеть социальные пороки, развившиеся в нем в результате давления со стороны родителей и школьных учителей, всей нашей принудительной по своему характеру цивилизации.

Судьбы выпускников Саммерхилла

Страх родителей перед будущим часто заставляет их действовать в ущерб здоровью своих детей. Страх этот, как ни странно, проявляется в желании родителя, чтобы ребенок научился большему, чем он сам. Такой родитель не в состоянии ждать, чтобы его Вилли научился читать, когда сам того захочет, он нервничает и боится, что Вилли вообще ничего не добьется в жизни, если его не подталкивать. Такому родителю не хватает терпения, чтобы позволить ребенку двигаться со своей собственной скоростью. Они спрашивают: «Если мой сын не умеет читать в 12 лет, какие у него шансы добиться успеха в жизни? Если в 18 он не сможет сдать вступительные экзамены в колледж, что ему останется кроме неквалифицированного труда?» Но я научился ждать, наблюдая, как ребенок продвигается понемногу или не продвигается вовсе. Я не сомневаюсь, что в конце концов, если не приставать к нему и не вредить ему, он добьется успеха в жизни.

Конечно, обыватель может сказать: «Хм, по-вашему, значит, стать водителем грузовика – успех в жизни!» **Мой собственный критерий успеха – способность радостно работать и уверенно жить.** При таком определении большинство учеников Саммерхилла преуспели в жизни.

Том поступил в Саммерхилл в 5 лет. Он ушел от нас в 17, так и не посетив ни одного урока. Он проводил большую часть времени в мастерской, делая самые разные вещи. Его отец и мать не могли без содрогания подумать о будущем сына. Он никогда не проявлял ни малейшего желания научиться читать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.